

Цзян Нин проспал до самого полудня. Зевая на ходу, он спустился по лестнице и услышал, как тётушка Ван с кем-то взволнованно говорит по телефону:

— Лихорадка? Но я сейчас никак не могу приехать... — В её голосе звучала откровенная тревога. — Вы возили её к врачу?

Повесив трубку, экономка обернулась и, заметив Цзян Нина, тут же засуетилась:

— Молодой господин Цзян, обед почти готов, подождите совсем немного!

— Не нужно ничего готовить, тётушка Ван, возвращайтесь домой, — остановил её юноша.

— Но как же господин Лу...

— Я сам всё ему объясню. — Цзян Нин мягко улыбнулся. — С наступающим Новым годом. До встречи!

Проводив женщину, он уселся на диван. Готовить самому не хотелось, поэтому он просто открыл приложение с доставкой еды.

Из-за приближающихся праздников многие заведения уже закрылись, так что выбор был невелик. В итоге он заказал горячий суп с лапшой.

Пока заказ был в пути, Цзян Нин открыл баночку консервов и порадовал Дяньдяня праздничным угощением.

Он потянулся было написать Лу Чжиханю, но вспомнил о разнице во времени: в стране А сейчас стояла глухая ночь. Отложив телефон, юноша включил телевизор.

Минут через десять снаружи раздался шум, и Дяньдянь с радостным лаем бросился к дверям.

Цзян Нин поднялся и распахнул дверь.

На пороге, залитом скучным зимним солнцем, стоял человек, которого он уж точно не рассчитывал здесь увидеть.

— Ты как тут оказался? — Цзян Нин даже не пытался скрыть изумление.

Разве он не должен сейчас праздновать с семьёй?

Он уже настроился встречаться Новый год в одиночестве, но с неожиданным появлением Лу Чжиханя сама атмосфера в доме неуловимо изменилась.

Лу Чжихань снял шарф и пальто, взглянув на контейнер из доставки:

— И этим ты обедаешь?

— Э-э... — Цзян Нин неловко кашлянул. — Я отпустил тётушку Ван домой.

Кто же знал, что Лу Чжихань вернётся так рано? Вся прислуга разъехалась на каникулы, и теперь в огромном доме остались только они вдвоем да собака.

Казалось бы, появился всего один человек, но липкое, давящее одиночество, до этого заполнявшее комнаты, испарилось без следа.

Лу Чжихань прошёл на кухню, заглянул в холодильник.

Если он проголодался, там ещё оставались продукты — при желании можно сообразить что-то нехитрое.

— Цзян Нин, сегодня же Канун Нового года, — произнёс Лу Чжихань. — Как насчёт того, чтобы слепить пельмени?

— Пельмени?

Цзян Нин отродясь их не лепил, но, видя искренний интерес в глазах мужчины, сжал волю в кулак:

— Ладно. Хотя время ещё раннее. Может, ты сначала отдохнёшь?

Перелёт из страны А занимал больше десяти часов, и на лице Лу Чжиханя невооружённым глазом читалась усталость.

— Хорошо, поднимусь к себе на пару часов.

Едва Лу Чжихань поднялся на второй этаж, Цзян Нин остался один. Послonyaвшись по гостиной, он зацепился взглядом за два больших пакета с новогодними украшениями.

Он немного поколебался. Раз уж всё равно купил, не пропадать же добру.

Развесив ажурные вырезки на окнах, наклеив праздничные парные надписи и развесив прочую атрибутику, он провозился всё послеобеденное время. Зато когда опустился на диван перевести дух, дом было не узнать. Прежде безучастная, чересчур просторная гостиная теперь дышала домашним уютом и духом приближающегося праздника.

Лу Чжихань проснулся уже к вечеру.

Спустившись на лифте на первый этаж, он замер: сквозь узорчатые вырезки на окнах проникал алый свет заката, мягко падая на дремавшего на диване Цзян Нина. В этот миг Лу Чжиханю показалось, будто время повернулось вспять на много лет назад.

Цзян Нин заворочался, открывая глаза. Снаружи уже стемнело.

За кухонным островом сидел Лу Чжихань и непривычно неловкими движениями лепил пельмени.

Цзян Нин тихонько поднялся.

Лу Чжихань повернул голову:

— Ты отлично украсил дом. Спасибо.

Цзян Нин почувствовал, как к щекам приливает тепло, и, чтобы скрыть неловкость, подошёл к раковине:

— Да так, ерунда... На скорую руку.

Вымыв руки, он уселся напротив.

Лу Чжихань заготовил несколько видов начинки. Готовые пельмени аккуратными рядами лежали на подносе: пусть получалось не идеально красиво, зато безупречно ровно — сказывался перфекционизм.

Цзян Нин попытался повторить его движения, но быстро заскучал и стал лепить какие-то несуразные, забавные фигурки.

Лу Чжихань окинул взглядом его «шедевры». Цзян Нин замер.

Однако мужчина вовсе не рассердился — напротив, в его глазах блеснула мягкая улыбка:

— А ты совсем не изменился.

— Что?

Цзян Нин растерялся. Взрослый юноша перед ним мало походил на карапуза из воспоминаний, но суть, казалось, осталась прежней.

За работой стемнело окончательно.

Прихватив тарелку с исходящими паром пельменями, Цзян Нин устроился перед телевизором, где уже шёл новогодний гала-концерт.

Он отправил в рот первый пельмень — вкус оказался самым простым, даже немного пресным, но горячая начинка мигом разлилась приятным теплом по всему телу.

По телевизору крутили привычные праздничные номера, а с улицы сквозь шум программы доносились редкие раскаты далеких салютов.

Взгляд Цзян Нина упал на коробку с пиротехникой, оставшуюся после дневных хлопот.

— Лу Чжихань, пойдём запустим фейерверки?

Цзян Нин толкнул стеклянную дверь, ведущую в сад. Зимний ночной воздух отозвался колким холодом, и лёгкий свитер совсем не защищал от сквозняка.

— Накинь что-нибудь, потом выходи, — раздался за спиной строгий голос Лу Чжиханя.

Пришлось поверх свитера натянуть тяжёлое пальто и замотаться в шарф. Высокому, ладно скроенному Цзян Нину длинные пальто были чрезвычайно к лицу.

Достав бенгальскую свечу, он зажал её в пальцах и чиркнул зажигалкой — движение вышло по-щегольски лихим, словно он прикуривал сигарету. Сноп ярких искр выхватил из тьмы четко очерченный подбородок и прямой размах переноса.

В ночной темноте юноша казался единственным источником света.

Он взмахнул рукой, и золотистые искорки закружились в воздухе, подобно рою светляков. Когда свеча догорела, в воздухе повис легкий запах пороха и серы.

Звук телевизора из дома, казалось, стал громче:

«Двери нового года плавно открываются перед нами!»

«Дорогие зрители, давайте отсчитаем последние секунды вместе!»

«Десять, девять, восемь...»

Юноша присел на корточки, поджёг фитиль большой коробки с салютом и со всех ног бросился обратно к Лу Чжиханю.

«Три, два, один! С Новым годом!»

С оглушительным грохотом ракета взмыла ввышину и рассыпалась в бархатном небе пышным огненным цветком, сливаясь с сотнями других праздничных залпов. Вокруг стало светло, словно днем.

Цзян Нин повернулся к спутнику и сквозь непрерывный канонадный гул произнёс:

— С Новым годом, Лу Чжихань.

Вскоро после праздников начался новый учебный семестр.

В первый же день Цзян Нин по привычке прошёл на задний ряд. В классе царил обычный хаос: все судорожно дописывали недоделанные за каникулы домашние задания.

— Босс, — Чжао Цзыцян аккуратно пододвинул стопку тетрадей, — надо?

— Не, у меня своё.

Цзян Нин достал из рюкзака готовые тетради — он справился с заданиями ещё в начале каникул.

Когда тетради собрали, в класс вошёл классный руководитель Сю Гошэн. Проведя организационный классный час, он первым делом поднял с мест всех, кто сдал пустые черновики или вообще не справился с работой.

Цзян Нин спокойно сидел на своём месте.

Учитель Сю с некоторой гордостью посмотрел на него, но, повернувшись к остальным лоботрясам, снова напустил на себя строгий вид:

— Всем, кто не сдал работу, я лично позвоню родителям. А теперь отодвиньте парты друг от друга. Сейчас проведём входное тестирование.

Класс огласился тоскливым воем.

Получив бланки, Цзян Нин взялся за ручку и погрузился в работу.

Тест включал в себя не только программу десятого класса, но и блоки за выпускной класс, чтобы сходу определить реальный уровень подготовки учащихся.

Цзян Нину пришлось несладко.

Он хмурился, отчетливо ощущая, насколько эти задания сложнее всего, что он решал до сих пор.

К концу дня, когда экзаменационный марафон завершился, класс выглядел совершенно выжатым.

— Босс, ты только не расстраивайся, — попытался утешить его Чжао Цзыцянь. — Тест реально гробовой был, неудивительно, что ничего не решалось.

— Тебе тоже показалось сложно?

— Хе-хе, ну я-то на каникулах тайком к репетиторам ходил! Мы как раз эти темы проходили, — Чжао Цзыцянь вытащил из стола методичку. — Вот, эксклюзивные материалы нашего учебного центра.

Цзян Нин пролистал несколько страниц и наткнулся на задачи, аналогичные тем, что срезали его на сегодняшнем тесте.

— Дашь переснять?

— Да бери так, Босс! Зачем переснимать? Я это всё уже зубами разгрыз.

— Спасибо.

Перед вечерней самоподготовкой вернувшиеся с ужина одноклассники оживлённо переговаривались:

— Слушайте, у нас в школе, оказывается, скрытые миллионеры учатся! Возле ворот такая тачка стоит — загляденье. Раньше её тут не видел. Интересно, чьи родители?

Пальцы Цзян Нина, переворачивавшие страницу, на миг замерли.

Вряд ли это Лу Чжихань.

Его минивэн появлялся у школы не раз, да и школьники в элитных автофургонах разбираются слабо — их скорее привлечёт какой-нибудь спортивный гиперкар.

После уроков Цзян Нин вышел за ворота. Внезапно его обдало странным чувством, будто кто-то пристально всматривается ему в затылок.

Он обернулся, окинул взглядом улицу.

Возле Первой средней школы Линьцзяна фонари горели тускло; вокруг снували только спешащие домой ученики да велосипедисты.

Цзян Нин нахмурился.

Боковое стекло стоящей неподалёку машины опустилось, показался Лу Чжихань:

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. — Цзян Нин сел в салон. Наверное, показалось. — У тебя в кабинете есть принтер? Мне бы распечатать кое-что.

— Есть. А что именно?

Цзян Нин вытащил из сумки полученные материалы:

— Одноклассник одолжил, завтра надо вернуть.

Лу Чжихань бегло просмотрел листы:

— Задания для выпускного класса?

— Ага. Сегодня на тестировании как раз такие были.

— Тогда на наших занятиях я тоже начну постепенно вводить материал за одиннадцатый класс. Правда, первое время будет непросто. — Лу Чжихань сменил тему: — Ты сегодня весь день сдавал тесты, устал. Может, сделаем перерыв в занятиях?

— Не надо. Справлюсь.

Раньше Цзян Нин ни за что бы не признал свои трудности в учёбе с такой лёгкостью. Но после совместного Нового года — а может, ещё раньше, с того самого дня рождения — между ними что-то неуловимо изменилось.

В следующие несколько дней ощущение чужого неотступного взгляда не покидало Цзян Нина.

И вот однажды утром классный руководитель Сю Гошэн мазнул взглядом по классу и поманил его от задней двери:

— Цзян Нин, зайди ко мне в кабинет.

Цзян Нин поплёлся следом. Его давно не вызывали «на ковёр», так что он даже отвык.

Мысленно пробежался по последним дням: вроде бы правил не нарушал, тесты написал нормально...

Но едва он переступил порог учительской, как тут же замер. Перед ним стоял непрошенный гость.

— Зачем ты пришёл?

В отличие от холодной отстраненности Цзян Нина, сидевший в кресле Цзян Хунчжи мгновенно вскочил и кинулся к нему с охами и ахами, словно обретал давно потерянного родственника:

— Сяо Нин! Мы не должны были отпускать тебя из дома! Отец тогда просто вспылil, а теперь сам не свой, заболел совсем, очи проглядел — мечтает тебя увидеть!

В его голосе даже прорезались слёзы — со стороны и не скажешь, что перед тобой разыгрывают дешёвый спектакль.

Цзян Нин лишь брезгливо сделал шаг в сторону, не давая к себе прикоснуться, и хмуро посмотрел на классного руководителя.

— Учитель Сю, если у вас ко мне больше ничего нет, я пойду на урок.

Сю Гошэн не успел и рта открыть, как Цзян Хунчжи сорвался с катушек:

— Цзян Нин! Тебе что, в этой захудалой шарашке так заново жить понравилось?!

Цзян Нин изогнул бровь.

Цзян Хунчжи понял, что перед этим дрянным мальчишкой ломать комедию бесполезно, и с натянутой улыбкой повернулся к учителю:

— Учитель Сю, позвольте мне поговорить с братом наедине.

Сю Гошэн, поначалу поддавшийся на слезливые речи о семейном воссоединении, замялся, чувствуя неладное. Он с сомнением взглянул на ученика.

Цзян Нин кивнул:

— Выкладывай, с чем пришёл.

Цзян Нин встал перед ним, небрежно засунув руки в карманы брюк. Никакой радости от «хороших вестей» на его лице не читалось — лишь откровенное раздражение.

Задолго до того, как всплыли результаты теста ДНК, Цзян Хунчжи казалось, что этот парень чужой их семье. Не было в нём нужной гибкости и ушлости. Цзян Нин походил на необработанный самородок с чересчур острыми гранями — подойдёшь ближе, того и гляди порежешься.

— Ты прожил с нами столько лет. Отец выставил тебя за порог только для того, чтобы ты закалил характер, — елеинным тоном заговорил Цзян Хунчжи. — Если решишь вернуться, мы снова будем одной семьёй.

С этими словами он достал из сумки банковскую карту:

— Держи. Купи себе всё, что захочешь. А вечером ждём дома на ужин — и закроем эту тему.

Цзян Нин опустил длинные ресницы, покрутил пластиковый прямоугольник в тонких пальцах, будто поддался на уговоры.

У Цзян Хунчжи запело сердце: если такой мизерной ценой удастся вернуть расположение Лу Чжиханя, то сделка выгоднее некуда!

Но Цзян Нин лишь презрительно хмыкнул, на его глазах с хрустом переломил карту пополам и бросил обломки в урну.

— Так это ты таскался за мной последние дни? — Цзян Нин поднял глаза, и в их черной глубине заплесал ледяной огонь. — Перестань петь лазаря. Тебе просто нужно подобраться к

человеку за моей спиной.

Цзян Хунчжи не ожидал, что с него так бесцеремонно сдерут маску, и вспыхнул:

— Я даю тебе шанс! Уговори господина Лу возобновить сотрудничество — и в семье Цзян за тобой навсегда закрепится достойное место!

— Оставь свои «шансы» себе. Мне от вас ничего не нужно.

Цзян Нин развернулся к выходу.

— Ах ты, дрянь! — заорал ему вслед Цзян Хунчжи. — Думаешь, раз пристроился к Лу Чжиханю, так теперь пуп земли?! Да ты для него просто содержанка, игрушка на пару вечеров! Надоешь — и вышвырнет на улицу, кому ты тогда будешь нужен?!

В следующее мгновение Цзян Нин сгреб его за грудки и с размаху прижал к рабочему столу. В его сузившихся глазах вспыхнула такая недетская, лютая ярость, что у Цзян Хунчжи перехватило дыхание.

— Не меряй всех по своей мерзкой мерке.

Вернувшись в класс, Цзян Нин был мрачнее тучи.

За долгие годы жизни в той семье он досконально изучил их повадки: ради выгоды эти люди готовы были ползать на коленях. А значит, отцепиться от них будет непросто.

Он сидел сжав зубы, не находя себе места от грызущей тревоги.

Сидевший впереди Чжао Цзыцянь обернулся:

— Босс, тебя что, Старина Сю так сильно песочил? Лица на тебе нет.

— Нет.

Лучше бы его просто отругали. Цзян Хунчжи так просто не отступит.

Предугадывая неприятности, Цзян Нин нарочно задерживался после вечерних уроков. Лишь когда школа почти опустела, он выскочил во двор.

Ещё издали он заметил припаркованный автофургон с открытой дверью. Водитель и помощник

Лу Чжиханя преграждали дорогу Цзян Хунчжи, который что-то эмоционально доказывал.

Дневная ярость, которую Цзян Нин так и не выплеснул до конца, мгновенно взметнулась с новой силой.

Хмурясь, он ускорил шаг.

Из-за угла машины он не видел лица Лу Чжиханя, но зато отчетливо разглядел, как мертвенно побледнел Цзян Хунчжи.

И тут вечерний прохладный ветер донёс знакомый голос. Однако сейчас в нём не было и капли привычного тепла — только обжигающий, стальной холод.

— С той самой минуты, как вы выставили Цзян Нина за дверь, им занимаюсь я, — чеканил Лу Чжихань. — И если вы продолжите крутиться возле него, дело одними разорванными контрактами не ограничится.

Цзян Нин замер. Гнев, kloкотавший в груди, мгновенно улетучился, уступив место внезапной волне тепла, ударившей в щеки. Он еще долго стоял как вкопанный, прежде чем заставить себя сделать шаг вперед.

Очутившись в салоне, он увидел, как Лу Чжихань привычным движением забрал у него тяжелый рюкзак и заботливо спросил:

— В школе всё было в порядке?

Его тон был невероятно мягким — словно перед ним находился совершенно другой человек, а не тот ледяной покровитель, что секунду назад отчитывал гостя.

Слова, которые Цзян Нин хотел утаить, сами собой сорвались с губ:

— Цзян Хунчжи приходил сегодня в школу. Хотел забрать меня обратно.

Взгляд Лу Чжиханя слегка потемнел, в нем мелькнуло что-то едва уловимое:

— И ты... хочешь вернуться?

Если Цзян Нин сам решит уйти, удерживать его он не вправе.

— Нет, — отрезал Цзян Нин. — У меня с ними нет ничего общего. И не будет.

Лу Чжихань словно перевел дух:

— А если я сделаю так, чтобы он больше тебя не беспокоил?

— Делай что хочешь.

Цзян Нин действительно больше не желал видеть никого из той семейки — одна лишь мысль о них портила настроение на весь день.

Поздней ночью, лёжа в темноте и прислонившись к изголовью кровати, Цзян Нин прокручивал в голове заступничество Лу Чжиханя. Это невероятное ощущение — знать, что за тебя стоят горой и безусловно верят, — пьянило.

В груди разливалось ласковое тепло, придавая сил.

Он пошарил рукой по тумбочке, достал старый телефон и попытался запустить розовое «Приложение желаний».

Ему просто хотелось перечитать старые записи, но сколько он ни нажимал на иконку, программа не откликалась — сервис был официально закрыт.

Повинуясь какому-то странному порыву, Цзян Нин зашёл на «Моуху», где не был уже сто лет.

И сразу же наткнулся на топовый тред:

[Кому-нибудь ещё приходила эта шуточная программа? Она вообще работает или это развод?]

Он кликнул по ссылке и увидел знакомый розовый интерфейс.

А в комментариях снизу кипели обсуждения:

«Да конечно развод! Это студенческий стартап-проект был, они просто трафик гоняли. Вы что, реально поверили?»

«Блин, я попался, думал, мне реально повезло /плачет/»

«Меньше сказок читайте. В реале бесплатный сыр только в мышеловке!»

Бесплатного сыра не бывает... Тогда как этот «сыр» по имени Лу Чжихань прилетел прямо ему в рот?!

Цзян Нин застыл, не сводя глаз с экрана.

Холодный свет дисплея выхватывал из тьмы его ошеломленное лицо.

В памяти цепочкой вспыхивали события последних месяцев. Если между ним и Лу Чжиханем не было никакой высшей связи через приложение, то с какой стати тот вдруг появился и окружил его такой заботой?

Логика рушилась.

Цзян Нин никогда не страдал от недостатка уверенности в себе, но даже он не мог заставить себя поверить, будто Лу Чжихань нянчится с ним исключительно из желания «вырастить из него перспективный кадр».

Тогда... почему?

В голове всплыли ядовитые слова Цзян Хунчжи:

«Ты для него просто содержанка, игрушка... С богачами всегда так: любят молодых да симпатичных».

Цзян Нин нахмурился.

Он знал, что Лу Чжихань не такой. Но другого объяснения у него не было.

Бессонница окончательно овладела им. Цзян Нин поднялся и вышел из комнаты.

Проще всего было спросить самого Лу Чжиханя. Он остановился перед закрытой дверью его спальни.

Время давным-давно перевалило за полночь. Лу Чжихань наверняка уже спит.

Спустившись на первый этаж, Цзян Нин налил себе стакан ледяной воды и выпил его залпом. Он до смерти боялся услышать ответ, который ему не понравится.

Вдруг возле ноги кто-то мягко ткнулся в штанину.

Бордер-колли, услышав шумок, прибежал и принялся нарезать круги вокруг хозяина. Цзян Нин присел и погладил пса по густой шерсти. За время жизни здесь благодаря хорошему уходу шкура Дяньдяня залоснилась и стала мягкой — он совсем не походил на старую брошенную собаку.

Когда ему объявили, что он должен покинуть дом Цзян, он чувствовал не тоску, а растерянность и непонимание. Особой привязанности к тому месту у него никогда не было.

Но сейчас он четко сознавал: отсюда он уходить не хочет. И даже сам не мог понять, откуда в нем взялась эта отчаянная цепкость.

А что, если в один прекрасный день Лу Чжихань точно так же укажет ему на дверь?

Когда за окнами рассвело, Цзян Нин всё ещё сидел на диване. Он провёл здесь всю ночь, но сонливости не было ни в одном глазу.

Тётушка Ван, пришедшая утром на работу, аж подпрыгнула от неожиданности:

— Молодой господин Цзян! Что это вы так рано поднялись?

Цзян Нин даже не обернулся, продолжая безучастно смотреть в окно.

И только когда со второго этажа спустился Лу Чжихань, юноша словно очнулся ото сна, хлопнул ресницами и повернул к нему голову.

— Почему ты не спишь? — спросил Лу Чжихань. — Ты же по выходным любишь подряхнуть до полудня.

Вспомнив своё поведение за последнее время, Цзян Нин поморщился от вспыхнувшего стыда. Назвать себя «послушным мальчиком» у него бы рука не поднялась.

Вся прежняя уверенность в собственной правоте мигом сменилась неловкостью.

— Зачем ты разыскал меня? — тихо спросил Цзян Нин.

— Что?

— Когда мы встретились впервые... почему ты отнёсся ко мне, незнакомцу, с таким теплом? — Цзян Нин поднял взгляд. — Что тебе от меня нужно?

— При первой встрече? — Лу Чжихань слегка нахмурился. — Ты что, совсем меня не помнишь?

Цзян Нин действительно помнил Лу Чжиханя — но лишь как далекую фигуру на светских приемах, где они даже не разговаривали.

Лу Чжихань примерился рукой от пола, показывая рост:

— Ты был вот от горшка два вершка, ходил в детский сад и звал меня «братиком».

Увидев, как у Цзян Нина вытягивается лицо, Лу Чжихань кивнул на свернувшегося у ног бордер-колли:

— Помнишь прежнюю хозяйку этого пса? Она сестра моей матери. Ты звал её тётушкой Юньюнь.

Мозаика из разрозненных детских воспоминаний со щелчком сложилась в единую картину.

— Я... я вспомнил, — пролепетал Цзян Нин.

В детстве он и впрямь частенько бегал в гости к соседям. Но потом те переехали, и связь сама собой оборвалась.

Он вгляделся в лицо Лу Чжиханя, и перед глазами всплыл образ угрюмого подростка-старшеклассника.

Они действительно виделись!

Тогдашний Лу Чжихань казался ещё более неприступным и холодным, чем сейчас, но всё же иногда соглашался играть с малышом в совсем детские игры.

Воспоминания захлестнули Цзян Нина, и к его щекам прилил густой румянец. Переживать заново собственный детский позор было выше его сил. Он открывал и закрывал рот, не в силах вымолвить ни слова, пока наконец из него не вырвалось едва слышное пищание:

— Как... как ты вообще всё это помнишь?..

— Помню, — невозмутимо отозвался Лу Чжихань. — Ты ведь обещал, что, когда вырастешь, обязательно женишься на мне.

<http://bllate.org/book/19724/1944688>